

«И был явлен им остров...»

ОСТРОВА ИНОГО МИРА
В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ
ТРАДИЦИИ

Тексты и исследования

STUDIA PHILOLOGICA

УДК 80+82-131

ББК 63.3.(0)3

И 11

Работа над сборником выполнена
в рамках семинара «Верования Древней Ирландии»
Лаборатории ненужных вещей

Редакционная коллегия:

Н. Ю. Живлова, Т. А. Михайлова, Е. Ю. Старостина

Рецензенты:

доктор филологических наук *А. В. Подосинов*

доктор филологических наук *Т. В. Топорова*

Утверждено к печати Ученым советом

И 11 «И был явлен им остров...»: острова Иного мира в древнеирландской традиции. Тексты и исследования. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. — 368 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-907498-41-9

В основе издания лежат комментированные переводы древнеирландских нарративов, посвященных теме плавания в Иной мир и посещения чудесных островов (так называемые Immrama). Автохтонная по своему происхождению, тема проецируется также на переложения и интерпретации в средневековой Ирландии античных сюжетов (предания об Улиссе и Минотавре), переводы которых также представлены в издании. В монографии, кроме того, даны переводы классических работ об островах Иного мира, а также — ряд современных отечественных трактовок этой темы.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся историей кельтской культуры.

УДК 80+82-131

ББК 63.3.(0)3

В оформлении переплета использовано изображение острова Скеллиг

ISBN 978-5-907498-41-9

9 785907 498419 >

© Коллектив авторов, 2023

© Издательский Дом ЯСК, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	7
----------------------	---

Тексты

Исчезновение Кондлы Прекрасного, сына Конда Ста битв (пер. и прим. А. А. Смирнова)	13
Плавание Брана, сына Фебала (пер. и прим. А. А. Смирнова)	18
Плавание Майль-Дуйна (пер. и прим. А. А. Смирнова)	28
Плавание Уа Корра (предисл. и прим. Т. А. Михайловой, пер. А. М. Рудычевой)	58
Плавание Снедгуса и Мак Риагла (предисл. и прим. Т. А. Михайловой, пер. Т. В. Шингуровой)	95
Скитания Уликса, сына Лертиса: рефольклоризация истории об Одиссее в средневековой Ирландии (предисл., пер. и прим. Д. С. Николаева и М. В. Шумилина)	105
Повесть о Минотавре (предисл., пер. и прим. Д. С. Николаева и М. В. Шумилина)	145

Ойсин в Стране Юности

Странствие Ойсина в Страну Юности (предисл., пер. и прим. Т. А. Михайловой)	153
Приложение 1. А. <i>Крэвин</i> . Рассказы об Ойсине (пер. и прим. М. Ю. Шатуновой)	177
Приложение 2. А. <i>Крэвин</i> . Повесть об Ойсине и фениях (пер. и прим. Ю. Глухой)	183
Приложение 3. В. Б. <i>Йейтс</i> . Странствие Ойсина, поэма (пер. А. Блейз)	187

Классические статьи об островах Юности

Мак Кана Пр. Безгрешный Иной мир «Плавания Брана»	203
Тралл В. Ф. Странствия по морю ирландских клириков и жанр <i>itragata</i>	232

<i>Элдевик Р.</i> Вергилианская модель жанра «плаваний»?.....	246
<i>Вудинг Дж.</i> Локализация Земли обетованной в гиберно-латинской литературе	254
<i>Бирн М. Э.</i> О наказании отпускиением в море	283

Исследования

<i>Живлова Н. Ю.</i> Внутренняя эмиграция: ирландские святые на островах Ирландии	293
<i>Михайлова Т. А.</i> Ирландская «Одиссея»	326
<i>Михайлова Т. А.</i> «Дом Донна» и острова Иного мира в ирландской традиции	347

А. А. Смирнов

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ КОНДЛЫ ПРЕКРАСНОГО, СЫНА КОНДА СТА БИТВ

С излюбленным в ирландской поэзии мотивом плавания смертного в «страну блаженства» (сравни *Плавание Брана*) в этой саге соединился столь же распространенный у кельтов мотив любви феи-сиды к смертному. При этом происходит характерное для сказочной фантазии смешение: обиталище феи — и волшебные холмы Ирландии (*сиды*), и в то же время — заморская «страна юности». Более подробно последняя изображена в *Плавании Брана*. Однако данная сага содержит два важных добавочных образа: 1) стеклянную ладью (стекло часто связано с образом «того света»: потусторонний волшебный остров в легендах о короле Артуре зовется «стеклянным островом») и 2) чудесное яблоко, соответствующее серебряной ветви в *Плавании Брана* (остров *Авалон*, куда фея Моргана уносит для исцеления и блаженной жизни тяжело раненного короля Артура, означает «остров яблок»; вспоминаются также яблоки чудесного сада Гесперид, на краю земли).

Мифическая тема саги искусственно приурочена к истории королей Конда и Арта, живших во II в. нашей эры. Последний христианский редактор или переписчик саги вложил в уста феи-сиды стихи, в которых она предсказывает, что скоро на смену религии друидов придет новая вера. Эти стихи, искажающие смысл саги, мы опустили в переводе, отметив этот пропуск многоточием.

Текст издан Е. Windisch'ем, *Kurzgefaste irische Grammatik*. Leipzig., 1879.

Почему прозван Арт Одиноким? Нетрудно сказать.

Однажды Кондла Красный, сын Конда Ста битв¹, был вместе с отцом в верхнем Уснехе², увидел он женщину в невиданной одежде, приближающуюся к нему.

— О, женщина, откуда пришла ты? — спросил он.

— Я пришла, — отвечала женщина, — из страны живых, из страны, где нет ни смерти, ни невзгод. Там у нас длится непрерывный пир, которого не надо готовить, — счастливая жизнь вместе, без распрей. В большом *сиде*³ обитаем мы, и потому племенем *сидов* зовемся мы.

— С кем говоришь ты, мальчик? — спросил Конд сына, ибо никто не видел женщины, кроме одного Кондлы.

Отвечая за него, запела женщина:
 Он ведет беседу с юной женщиной,
 Прекрасной, из благородного племени,
 Которой не коснется ни дряхлость, ни смерть.
 Я полюбила Кондлу Красного
 И зову его на Равнину Блаженства,
 Где царит король победоносный —
 В стране, где нет ни жалоб, ни страданья,
 С той поры, как он в ней царствует.
 И она продолжала, обращаясь к Кондле:
 Пойдем со мной, о Кондла с украшенной шеей⁴,
 О Кондла Красный, алый как пламя!
 Золотой венец покроет твой пурпурный лик,
 Чтоб почтить твой царственный образ.
 Пожелай лишь — и никогда не увянут
 Ни юность, ни красота твоих черт,
 Пленительных до скончания века.

Тогда Конд обратился к друиду своему, по имени Коран, за помощью: ибо все слышали слова женщины, самой же ее не видел никто.

Прошу тебя, о Коран, помоги мне!
 Ты владеешь могучими песнями,
 Владеешь могучей тайной мудростью.
 На меня напала сила некая,
 Большая, чем разум мой и власть моя.
 Никогда еще не являлся мне враг такой,

С той поры как принял я власть царскую.
Ныне борюсь я с образом невидимым.
Он одолевает меня чарами,
Хочет похитить сына моего,
Песнями женскими волшебными
Вырвать его из царственных рук моих.

И друид спел такое сильное заклятие, что неслышен для всех стал голос женщины и сам Кондла перестал видеть ее. Но, прежде чем удалиться от песен друида, женщина дала Кондле яблоко. И целый месяц Кондла не ел и не пил ничего, ибо ничто не казалось ему вкусным с той поры, как он отведал этого яблока. Но сколько ни съедал он его, оно не уменьшалось и оставалось цельным. Тоска охватила Кондлу по женщине, которую он один раз увидел.

Однажды, по прошествии месяца, был он вместе с отцом своим в Маг-Архоммине⁵, когда вновь увидел он ту же женщину, приближавшуюся к нему. Она запела ему:

На высоком месте сидишь ты, Кондла,
Среди смертных, среди всего тленного,
Ожидая смерти — ужаса великого.
Вечно живущие зовут тебя!
Ты герой в глазах людей Тетраха⁶,
Каждый день на тебя взирающих,
Когда ты бываешь в собрании
Твоих родных, близких и милых тебе.

Как только слышал Конд голос женщины, сказал он людям своим:

— Позовите друида ко мне. Вижу я, сегодня заговорил вновь язык ее.

Тогда женщина запела:

О Конд Ста битв,
Немилы больше друиды,
Настал конец силе их.
.....⁷

Дивился Конд тому, что ни на какие речи не отзывался Кондла, лишь одно повторяя: «Вот, пришла эта женщина!»

— Разумеешь ли ты, о Кондла, то, что говорит женщина? — спросил Конд.

Отвечал Кондла:

— Говорит она то, что легко бы сделать мне, если бы не любовь моя к близким моим. Тоска по этой женщине охватила меня.

В ответ ему запела женщина:

Давно влечет тебя сладкое желанье,
Со мной за волну унестишь ты хочешь.
Если войдешь в мою стеклянную ладью,
Мы достигнем царства Победоносного.
Есть иная страна далекая,
Мила она тому, кто сыщет ее.
Хоть, вижу я, садится уж солнце,
Мы ее, далекой, достигнем до ночи.
Радость вселяет земля эта
В сердце всякого, кто гуляет в ней,
Не найдешь ты там иных жителей,
Кроме одних женщин и девушек.

Едва девушка кончила речь свою, как Кондла, покинув своих, прыгнул в стеклянную ладью. И вскоре люди могли лишь едва-едва различить ее в такой дали, насколько хватало их зрения. Так-то уплыл Кондла с девушкой за море, и никто с тех пор больше не видел их и не узнал, что с ними случилось.

В то время, как все оставшиеся были погружены в раздумье, к ним подошел Арт.

— Теперь Арт стал одиноким, — сказал Конд. — Поистине, нет больше у него брата.

— Истинное слово молвил ты, — сказал Коран. — Так и будут отныне звать его: *Арт Одинокий*.

И осталось за ним это имя.

Примечания

- ¹ Согласно хроникам, Конд Ста битв был верховным королем Ирландии с 122 по 157 г. нашей эры, сын его Арт — с 165 по 195 г.
- ² Местность в графстве *West-Meath*, в Лейнстере.
- ³ Холмы, в которых обитают сиды, называются также *side*. Но, кроме того, слово *side* омонимически означает 'мир, тишина'. Редактор саги пользуется этой непередаваемой игрой слов, чтобы сделать образ явившейся женщины и призыв ее еще более привлекательными.
- ⁴ Букв. 'пестрая шея', т. е. двуцветная, благодаря золотому ожерелью на розовой коже.
- ⁵ Местность, не поддающаяся отождествлению.
- ⁶ Бог потустороннего мира, король фоморов, образ обычно ужасающий, отталкивающий, здесь — привлекательный.
- ⁷ О пропуске в этом месте см. вступительную заметку.

А. А. Смирнов

ПЛАВАНИЕ БРАНА, СЫНА ФЕБАЛА

Сага эта представляет собою одну из многочисленных вариаций ирландской легенды о плавании в «чудесную, потустороннюю страну». В основе ее лежит древнее языческое представление кельтов о «том свете», осложненное некоторыми чертами, заимствованными из средневековых сказаний о «земном рае», а также, быть может, из античных мифов.

Композиция ее — весьма свободная. В середину ее вставлен эпизод о морском боге, предсказывающем свое будущее воплощение. Сверх того, монах-переписчик совершенно механически внес несколько строф чисто христианского содержания. Эти последние, ничем с остальным не связанные и лишь портящие общее впечатление, мы опустили в нашем переводе. Достоинства саги, сюжетно весьма бедной, сосредоточены в лирических описаниях.

Текст, сложившийся по меньшей мере уже в VII в., издан, в сопровождении обширного историко-литературного и мифологического исследования, в книге: *Meyer K., Nutt A. The Voyage of Bran. 2 bond. 1895–1897.*

Двадцать два четверостишия спела женщина неведомых стран, став среди дома Брана, сына Фебала¹, когда его королевский дом был полон королей, и никто не знал, откуда пришла женщина, ибо ворота замка были заперты.

Вот начало повести. Однажды Бран бродил одиноко вокруг своего замка, когда вдруг он услышал музыку позади себя. Он обернулся, но музыка снова звучала за спиной его, и так было всякий раз, сколько бы он ни оборачивался. И такова была прелесть

мелодии, что он наконец впал в сон. Когда он пробудился, то увидел около себя серебряную ветвь с белыми цветами на ней, и трудно было различить, где кончалось серебро ветви и где начиналась белизна цветов.

Бран взял ветвь в руку и отнес ее в свой королевский дом. И когда все собрались там, им явилась женщина в невиданной одежде, став среди дома. И вот тогда она пропела Брану двадцать два четверостишия, и все собравшиеся слушали и смотрели на женщину.

Она пела:

Ветвь яблочного дерева из Эмайн²

Я несу, всем вам ведомую³.

На ней веточки из белого серебра,

Бровки хрустальные с цветами.

Есть далекий, далекий остров,

Вкруг которого сверкают кони морей⁴.

Прекрасен бег их по светлым склонам волн.

На четырех ногах стоит остров.

Радость для взоров, обитель славы —

Равнина, где сонм героев предается играм.

Ладыя равняется в беге с колесницей.

На южной равнине, на Серебристой Поляне.

Стоит остров на ногах из белой бронзы,

Блистающих до конца времен.

Милая страна, во веки веков,

Усыпанная множеством цветов.

Есть там древнее дерево в цвету,

На котором птицы поют часы⁵.

Славным созвучием голосов

Возвещают они каждый час.

Сияет прелесть всех красок

На равнинах нежных голосов.

Познана радость средь музыки,

На южной, туманной Серебристой Поляне.

Там неведома горечь и неведом обман

На земле родной, плодоносной,

Нет ни капли горечи, ни капли зла,
Все — сладкая музыка, нежащая слух.

Без скорби, без печали, без смерти,
Без болезней, без дряхлости,
Вот — истинный знак Эмайн.
Не найти ей равного чуда.

Прекрасна страна чудесная,
Облик ее любезен сердцу,
Ласков для взора вид ее,
Несравненен ее нежный туман.

Взгляни на Страну Благодатную:
Море бьет волной о берег и мечет
Драконовы камни и кристаллы;
Волоски кристаллов струятся с его гривы.

Богатство, сокровище всех красок
Ты найдешь в Милой Стране, прекрасновлажной.
Там ты слушаешь сладкую музыку,
Пьешь лучшее из вин.

Золотые колесницы на Равнине Моря
Несутся с приливом к солнцу,
Серебряные колесницы на Равнине Игр
И бронзовые, без изъяна.

Желто-золотые кони там, на лужайке,
Иные — красной масти,
Иные еще, с шерстью на спинах,
Небесно-голубой масти.

С восходом солнца придет
Прекрасный муж и осветит равнины.
Он едет по прекрасной приморской равнине,
Он волнует море, обращая его в кровь.

Будут плыть мужи по светлому морю
В страну — цель их поездки.
Они пристанут к блистающему камню,
Из которого несется сто песен.

Песнь несется к плывущим,
Несется долгие века, беспечальная.

Звучен напев стоголосых хоров,
Они избыли дряхлость и смерть.

О, многовидная морская Эмайн,
И близкая и далекая,
С тысячами женщин в пестрых одеждах,
Окаймленная светлым морем!

Из вечно тихого, влажного воздуха
Капли серебра падают на землю.
Белая скала у морской гряды
Получает свой жар от солнца.

Мчатся мужи по Равнине Игр —
Прекрасная игра, не бессильная.
В цветистой стране, среди красоты ее,
Они избыли дряхлость и смерть.

Слушать музыку ночью,
Гулять в Стране Многоцветной,
В стране цветистой — о венец красоты! —
Где мерцает белое облако!

Есть трижды пятьдесят островов
Средь океана, от нас на запад.
Больше Ирландии вдвое
Каждый из них или втрое⁶.

Пусть же Бран среди мирской толпы
Услышит мудрость, ему возвещенную.
Предприми плаванье по светлому морю:
Быть может, ты достигнешь Страны Женщин.

Вслед за этим женщина покинула их, и они не знали, куда она ушла; и она унесла ветвь с собою. Ветвь выпала из руки Брана и перешла в руку женщины, и в руке Брана не было силы, чтобы удерживать ветвь.

На другой день Бран пустился в море. Трижды девять мужей было с ним. Во главе каждого девяти был один его молочный брат и сверстник. После того как он пробыл в море два дня и две ночи, он завидел мужа, едущего навстречу ему по морю на колеснице. Этот муж спел ему двадцать два четверостишия; он назвал ему себя, сказал, что он Мананнан, сын Лера⁷.

Он спел ему:

Чудно, прекрасно Брану
В ладье на светлом море.
Для меня же, едущего на колеснице издалека,
Цветущая долина — то море, где плывет он.

То, что светлое море для Брана,
Плывущего в ладье с кормою —
Радостная равнина с множеством цветов
Для меня, с моей двухколесной колесницей.

Бран видит множество волн,
Плещущих среди светлого моря, —
Я же вижу, на Равнине Забав,
Цветы с красными головками, без изъяна.

Кони Лера блистают летом
Всюду, сколько хватает взора Брана.
Реки струят свой медвяный поток
В стране Мананнана, сына Лера.

Блеск зыбей, среди которых ты находишься,
Белизна моря, по которому плывешь ты,
Это — расцвеченная желтым и голубым
Земля, — она не сурова.

Пестрые лососи прыгают из недр
Белого моря, на которое глядишь ты:
Это — телята, разных цветов телята,
Ласковые, не бьющие друг друга.

Хоть видна тебе лишь одна колесница
В Счастливой Стране, обильной цветами, —
Много коней на ее пространствах,
Хотя для тебя они и незримы.

Велика равнина, много в ней мужей,
Краски блистают светлым торжеством.
Серебряный поток, золотые одежды —
Все приветствует своим обилием.

В прекрасную игру, самую радостную,
Они играют, вином опьяняясь,

Мужи и милые женщины, под листвою,
Без греха, без преступления.

Вдоль вершин леса проплыла
Твоя ладья через рифы.
Лес с прекрасными плодами
Под кормой твоего кораблика,

Лес деревьев цветущих, плодовых, —
Среди них лоза виноградная, —
Лес не вянувший, без изъяна,
С листьями, цвета золота.

.....⁸

Это облик, тобою зримый —
Он придет в твои края, в Ирландию,
Ибо мне надлежит путь к дому
Женщины из Лине-Мага.

Пред тобой Мананнан, сын Лера,
На колеснице, в обличье человека.
Им будет рожден — на короткую жизнь —
Прекрасный муж с белым телом.

Он будет усладой холмов волшебных⁹,
Он будет любимцем в доброй стране,
Он поведает тайны — поток мудрости —
В мире, не внушая страха к себе.

Он примет облик всякого зверя,
И в голубом море, и на земле.
Он будет драконом пред войсками,
Он будет волком во всяком лесу.

Он будет оленем с серебряными рогами
В стране, где катятся колесницы,
Он будет лососем в глубоком озере,
Он будет тюленем, он будет прекрасным белым лебедем.

Он будет, спустя долгие века,
Много лет прекрасным королем.
Он сокрушит полки — славная ему будет могила,
Он зальет кровью равнины, оставляя след колес.

Среди королей и витязей
Он будет героем прославленным.
На высокой твердыне уготовлю я
Ему кончину достойную.

Высоко я поставлю его среди князей.
Его одолеет сын заблуждения¹⁰.
Мананнан, сын Лера, будет
Его отцом и наставником.

Он будет — кратка его жизнь! —
Пятьдесят лет в этом мире.
Драконов камень морской поразит его
В бою при Сенлаборе.

Он попросит испить из Лох-Ло¹¹,
Устремив взор на поток крови.
Белая рать унесет его на колесах облаков
В обитель, где нет скорби.

Пусть усердно гребет Бран —
Недалеко до Страны Женщин.
Эмайн многоцветной, гостеприимной
Ты достигнешь до заката солнца.

После этого Бран поплыл дальше. Вскоре он завидел остров. Бран стал огибать его. Большая толпа людей была на острове, хохотавших разинув рот¹². Они все смотрели на Брана и его спутников и не прерывали своего хохота для беседы с ним. Они смеялись непрерывно, глядя плывущим в лицо. Бран послал одного из своих людей на остров. Тот тотчас же присоединился к толпе и стал хохотать, глядя на плывущих, подобно людям на острове. Бран обогнул весь остров. Всякий раз, как они плыли мимо этого человека, его товарищи пытались заговорить с ним. Но он не хотел говорить с ними, а лишь глядел на них и хохотал им в лицо. Имя этого острова — Остров Радости. Так они и оставили его там.

Вскоре после этого они достигли Страны Женщин и увидели царицу женщин в гавани.

— Сойди на землю, о Бран, сын Фебала! — сказала царица женщин. — Добро пожаловать!

Бран не решался сойти на берег. Женщина бросила клубок нитей прямо в него. Бран схватил клубок рукою, и он пристал к его ладони. Конец нити был в руке женщины, и таким образом она притянула ладью в гавань. Они вошли в большой дом. Там было по ложу на каждых двоих — трижды девять лож. Яства, предложенные им, не иссякали на блюдах, и каждый находил в них вкус того кушанья, какого желал. Им казалось, что они пробыли там один год, а прошло уже много-много лет.

Тоска по дому охватила одного из них, Нехтана, сына Кольбрана. Его родичи стали просить Брана, чтобы он вернулся с ними в Ирландию. Женщина сказала им, что они пожалеют о своем отъезде. Они всё же собрались в обратный путь. Тогда она сказала им, чтобы они остерегались коснуться ногой земли.

Они плыли, пока не достигли селения по имени Мыс Брана¹³. Люди спросили их, кто они, приехавшие с моря. Отвечал Бран:

— Я Бран, сын Фебала.

Тогда те ему сказали:

— Мы не знаем такого человека. Но в наших старинных повестях рассказывается о Плавании Брана.

Нехтан прыгнул из ладьи на берег. Едва коснулся он земли Ирландии, как тотчас же обратился в груды праха, как если бы его тело пролежало в земле уже много сот лет.

После этого Бран поведал всем собравшимся о своих странствиях с начала вплоть до этого времени. Затем он простился с ними, и о странствиях его с той поры ничего не известно.

Примечания

- ¹ Имя это ни в хрониках, ни в других сагах не встречается. Возможно, что оно вымышлено автором, как и вся сюжетная рамка этой саги вымышленна или, вернее, скомпилирована из других родственных по теме саг («Исчезн. Кондлы», «Бол. Кухулина» и т. п.) с целью мотивировать историческое описание блаженной страны.
- ² Имя чудесной страны, образованное в параллель к имени земной Эмайн-Махе; ниже она обозначается рядом поэтических, описательных имен.
- ³ То есть известную из других сказаний на сходную тему (сопост., напр., «Приключение Кормака»).
- ⁴ «Волны» — поэтическая метафора.
- ⁵ Черта христианизации языческой саги.
- ⁶ В этом месте в оригинале неожиданно вставлены 5 строф, в которых возвещается рождение Христа и прославляется христианская вера. Как явную интерполяцию, мы их пропустили в переводе.
- ⁷ Лер — бог моря, превратившийся в результате рационалистического очеловечения (евгемеризации) в короля старых кельтских хроник, — прототип короля Лира трагедии Шекспира. Мананнан, сын его, первоначально также бог моря (сопост. «Бол. Кухулина»), от его имени происходит название острова *Man*, лежащего между Северной Ирландией и Англией. В позднейших сагах он был также превращен в короля, одаренного, подобно Волху Всеславьевичу наших былин, даром превращений. В данной саге, ниже, дар превращений приписан сыну Мананнана, имеющему родиться от него на земле, т. е. его собственному воплощению.
- ⁸ В этом месте в оригинале имеется 5 строф того же характера, как и отмеченные выше; мы их опустили по тем же основаниям. В них любопытным образом проявляется «христианская мифология», именно — стремление отождествить *сидов* с чистыми духами вроде ангелов. Вот перевод этих строф:

Мы с первого дня творенья
 Не знаем старости и земной дряхлости,
 Оттого не ждем мы разрушения,
 Ибо грех не коснулся нас.

Злой был день, когда змей явился
 Отцу нашему в его обители.
 Все изменилось в этом мире,
 И настала порча, раньше не бывшая.

Вожделенья отца нам смерть принесло,
 Погубило благородное племя его.
 Увядавшее тело на муку пошло
 В жилище вечного страдания.

Закон гордыни влечет в этом мире
Верить в твари, забыв о боге.
Одолели тело немощь и дряхлость,
А душа разрушена обманом.

Высокое спасенье придет к нам
От владыки, нас создавшего,
Светлый закон расстелется над морями.
Будучи богом, человеком он станет.

⁹ Холмов, в которых обитают сиды.

¹⁰ Разумеется ли здесь земной враг его или дьявол? Сказания о Мананнэ не дают в этом отношении никаких указаний. Во всяком случае, христианский характер метафоры показывает, что это — позднейшая вставка.

¹¹ Озеро, не поддающееся отождествлению.

¹² Наивное истолкование мифического образа «Острова радости» или «блаженства».

¹³ Местечко в графстве Керри, на западном побережье Ирландии. Ирландское название может означать «Воронов клюв» (т. е. мыс). Весьма возможно, что составитель саги просто осмыслил наименование ворона (*bran*) в собственное имя, отсюда и возник легендарный Бран.

А. А. Смирнов

ПЛАВАНИЕ МАЙЛЬ-ДУЙНА

В этой саге пространно разработана та же тема «плавания в чудесную страну», что и в *Плавании Брана*. Но состав ее — весьма сложного происхождения. Ясно выступают христианские элементы, как, например, рассуждения о грехе (гл. VII), образы анахоретов (гл. IX и X), мораль прощения врагам (гл. XI) и т. п. Однако все это — несомненно позднейшие наслоения, основа же сказания — древнеязыческая, как видно из встречающихся несколько раз образов «блаженной страны» или «острова женщин» (особенно в гл. VIII). Равным образом, наслоениями являются черты, заимствованные из античности и своеобразно преломленные в ирландской фантазии, как, например, Циклоп (гл. VII) или птица Феникс (гл. IX) и др. Автор этой осложненной версии, назвавший в конце свое имя, *Айд Светлый, мудрый поэт Ирландии*, проявил здесь большую начитанность, ибо он цитирует дважды Вергилия, заимствует кое что из латинской легенды *Плавание Брендана* и т. п. Он сочинил (вернее, переработал) эту сагу в X в. Но более простая и, без сомнения, менее христианизованная версия ее существовала, по некоторым данным, уже в VII в., если не ранее. Композиция саги (вдохновившей Теннисона на поэму «*The Voyage of Maeldune*») — весьма свободная; эпизоды, то контрастирующие, то дополняющие друг друга, избыточны повторениями, не всегда художественно удачными. Но в этой наивной бессвязности приключений есть своя прелесть: она превосходно передает чувство беспомощности путников, носимых судьбою по волнам беспредельного и жуткого, полного диковин океана.

Текст (с опущением стихов, которые в конце глав резюмируют их содержание, не внося ничего нового) издал Wh. Stokes в «Revue Celtique», т. IX (1888) и X (1889).

Для удобообозримости пестрых авантюр саги мы разделили ее на главы, снабдив их заголовками.

I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАЙЛЬ-ДУЙНА И ЦЕЛЬ ЕГО ПЛАВАНИЯ

Был знаменитый муж из рода Эоганахтов¹ Нинусских, с Аранских островов², по имени Айлиль Острие Битвы. Могучим воином был он, вождем своего рода и племени. И встретилаь ему молодая монахиня, аббатиса женского монастыря. У них родился прекрасный сын — Майль-Дуйн, сын Айлиля. Вот как случилось, что был зачат и рожден Майль-Дуйн.

Однажды король области Эоганахтов отправился в набег на другую область и взял с собой Айлиля Острие Битвы. Они распрягли коней и расположились на отдых на холме. Неподалеку от холма был женский монастырь. В полночь, когда все затихло в лагере, Айлиль пробрался в монастырскую церковь. В это же время пришла туда и монахиня, чтобы звонить в колокол, созывая на всеобщую. Айлиль схватил ее за руку, бросил на землю и овладел ей. Сказала ему женщина:

— Горестна судьба моя: теперь родится у меня ребенок. Из какого ты племени и как имя твое?

Отвечал воин:

— Айлиль Острие Битвы — имя мое; я из племени Эоганахтов, из северного Мумана.

После этого король, разорив страну и взяв заложников, вернулся в свою область с Айлилем. Вскоре после того как Айлиль вернулся в свой дом, морские разбойники убили его: они сожгли над его головой церковь в Дубклуайне³. А женщина по прошествии девяти месяцев родила на свет сына и дала ему имя — Майль-Дуйн. Мальчик был тайно отвезен к королеве, подруге матери, и та его воспитала под видом собственного сына. Был он воспитан своей приемной матерью в той же колыбели, вскормлен той же грудью, взрощен на тех же коленях, что и три королевских сына.

Прекрасен стал он обликом: вряд ли можно было найти другое существо из человеческой плоти столь же прекрасное, как он. Велики были блеск его в военных упражнениях, доблесть духа, ловкость в играх. Во всех состязаниях превосходил он своих сверстников — и в бросании мяча, и в беге, и в прыжках, и в метании камней, и в скачке на коне. Из всех их выходил он победителем.

Однажды один воин, завидовавший ему, в минуту гнева сказал:

— Эй ты, победитель во всех состязаниях, на суше и на море, и в игре в шахматы, — а ведь никто не знает, какого ты рода-племени и кто твои отец и мать!

Майль-Дуйн замолчал. До этого времени он считал себя родным сыном короля и королевы, своих приемных родителей. Он пошел к ним и сказал:

— Я не буду ни есть, ни пить до тех пор, пока вы не скажете мне, кто мои мать и отец.

— К чему этот вопрос? — отвечала королева. — Не принимай к сердцу слова дерзких юношей. Я — твоя мать. Ни одна женщина не любит сына сильнее, чем я тебя.

— Возможно, что так, — сказал он, — все же ты должна назвать мне моих родителей.

Тогда приемная мать отвела его к его матери. Он стал требовать, чтобы та назвала ему имя отца.

— Глупый, — сказала она ему, — если ты и узнаешь его, никакой пользы и радости тебе от этого не будет, ибо он давно уже умер.

— А все-таки я хочу знать, — отвечал он, — кем бы он ни оказался.

Тогда мать сказала ему всю правду:

— Айлиль Острие Битвы был твой отец, из рода Эоганахтов Нинусских.

Майль-Дуйн отправился на родину своего отца, чтобы получить свое наследство, и его молочные братья пошли вместе с ним. Прекрасные были они воины. Родичи, которых он нашел, приветствовали его и оказали ему радушный прием.

Через некоторое время случилось, что несколько воинов стали метать камни на кладбище церкви в Дубклуайне. И Майль-Дуйн в том числе тоже метал камни в развалины церкви, упершись ногой в один из обгорелых камней. Один клирик с ядовитым языком, по имени Брикне⁴, сказал ему:

— Лучше бы тебе было отомстить за человека, который был сожжен здесь, чем бросать камни в его сухие обуглившиеся кости.

— Что же это был за человек? — спросил Майль-Дуйн.

— Айлиль, — был ему ответ, — твой родной отец.

— Кто же его убил? — спросил Майль-Дуйн.

— Разбойники из Лайгиса⁵, — отвечал Брикне. — Они убили его на этом самом месте.

Майль-Дуйн выпустил камень из своей руки и завернулся весь, со всем оружием своим, в плащ; в скорбь погрузился он. Погода он спросил, какая дорога ведет в Лайгис, и сведущие люди ответили ему, что добраться туда можно только морем. Тогда он отправился в область Коркомрад⁶, чтобы испросить у друида, жившего там, добрых чар и напутствия, перед тем как начать строить корабль. Нука было имя друида, и отсюда название местности той — Бойрен Нука⁷. Друид назвал Майль-Дуйну счастливый день⁸ для постройки корабля и число людей, которые должны были сесть в него, именно — семнадцать человек (а по другим сведениям — шестьдесят); ни на одного человека не должно было быть ни больше, ни меньше. Затем он определил ему день для отплытия.

Майль-Дуйн соорудил корабль из трех кож, и все путники приготовились к отплытию. В числе других были среди них Герман и Диуран-стихотворец⁹. Они отплыли в тот самый день, который был указан друидом. Но едва они, подняв парус, отдалились немного от земли, как на берег прибежали три молочных брата Майль-Дуйна, сыновья его приемных родителей. Они принялись кричать, чтобы он вернулся и взял их с собой.

— Возвращайтесь обратно, — крикнул им Майль-Дун. — Если бы мы и причалили к берегу, то не взяли бы вас с собой, ибо должны ехать ровно столько человек, сколько нас есть.

— Мы бросимся в море вслед за тобой и потонем, если ты не забереши нас, — отвечали они.

И с этими словами все трое действительно бросились в море и отплыли очень далеко от земли. Видя это, Майль-Дуйн, чтобы они не потонули, направился к ним и забрал их на свой корабль.

II
МАЙЛЬ-ДУЙН НАХОДИТ
НА ОДНОМ ОСТРОВЕ УБИЙЦ СВОЕГО ОТЦА,
НО БУРЯ УНОСИТ ЕГО КОРАБЛЬ В МОРЕ

В этот день они плыли до вечера и затем снова до полуночи, пока не встретили два маленьких пустынных острова, с двумя замками на них. Из замков доносились до них шум и пьяные крики: это были воины, хваставшиеся своими победами. И слышно было, как один говорил другому:

— Отступи в сторону!¹⁰ Мои подвиги выше твоих, ибо это я убил Айлиля Острие Битвы и сжег церковь в Дубклуайне над его головой. И не было мне с тех пор никакой беды от его родичей. Ты никогда ничего подобного не совершал!

— Победа в наших руках! — воскликнули Герман и Диуран-стихотворец. — Бог прямым путем привел нас сюда, он направил наш корабль. Пойдем и разрушим эти два замка, раз бог открыл нам наших врагов!

В то время, как они говорили это, сильный ветер налетел и угнал их корабль в открытое море на всю ночь, до утра. Утром же они не увидели перед собой ни земли, ни берега и не знали, в какую сторону направиться. Сказал Майль-Дуйн:

— Не будем искать пути: пусть бог сам направит наш корабль, куда захочет.

И они поплыли по великому, бесконечному океану. Майль-Дуйн сказал своим молочным братьям:

— Это вы причина того, что случилось, ибо вы сели на корабль вопреки запрету ведуна-друида. Он сказал нам, что число людей на корабле должно быть не большим, чем какое было до вашего прихода.

Ничего не ответили они ему и на некоторое время погрузились в молчание.

III
ОСТРОВ ГИГАНТСКИХ МУРАВЬЕВ —
ОСТРОВ БОЛЬШИХ ПТИЦ —
ЧУДОВИЩНЫЙ КОНЬ — СКАЧКА ДЕМОНОВ

Три дня и три ночи пробыли они в море, не видя ни земли, ни берега. На утро четвертого дня они слышали шум, доносившийся с северо-востока.

— Это шум волны, бьющей о берег, — сказал Герман.

Когда рассвело, они увидели, что подплыли к земле. В то время, как они бросали жребий, кому сойти на берег, внезапно появилась громадная стая муравьев, величиной с жеребенка каждый, двинувшаяся на них по берегу и даже по воде: они хотели съесть их вместе с кораблем. Странники поспешно отчалили и снова носились по волнам три дня и три ночи, не видя пред собой ни земли, ни берега.

На утро четвертого дня они слышали шум волны, бьющейся о берег, и когда рассвело, увидели высокий большой остров. По краям его были уступы, постепенно спускавшиеся к воде. На каждом из них росли ряды деревьев, на которых сидело множество больших птиц. Путники стали совещаться между собой, кому сойти на берег, чтобы осмотреть остров и узнать, не опасны ли птицы.

— Я пойду, — сказал Майль-Дуйн.

Он сошел на берег, осмотрел остров и не нашел там ничего опасного. Они утолили голод птицами и набрали множество их в запас себе на корабль.

И снова провели они в море три дня и три ночи. На утро четвертого дня они увидели другой большой остров с песчаной почвой. Когда они приготовились уже было сойти на берег, они заметили на нем животное, похожее на коня. У него были лапы как у пса, с твердыми и острыми копытами. Увидев их, зверь проявил большую радость, ибо он хотел съесть их вместе с кораблем.

— Он не прочь был бы добраться до нас, — сказал Майль-Дуйн. — Бежим скорей от этого острова!

Так они и сделали. Когда зверь заметил их бегство, он побежал к берегу, стал рыть землю своими острыми копытами и бросать в них камни. Они же поспешили спастись от него. Долго плыли они после этого, пока не увидели перед собой большой плоский остров. Злой жребий сойти и осмотреть этот остров выпал Герману.